

...само возникновение пассионарных (идеальных) фигур, направляющих свою энергию на поиски личной свободы, было возможно лишь в эпоху перемен, и по понятным причинам такие проекты — будь то сельское хозяйство, историческая наука или иная область — не могли быть полностью реализованы. С наступлением в империи периода стабильности, особенно в реставрированной империи (Советском Союзе), реформы как Столыпина, так и его младшего современника Л. Карсавина стали не нужны.

П. Ласинскас

Повилас Ласинскас

(Каунас, Литва)

ПАССИОНАРНЫЕ ЛИЧНОСТИ В ЛИТВЕ: ПЕТР СТОЛЫПИН И ЛЕВ КАРСАВИН

Империя и личность, взаимоотношения индивида и общества — темы, актуальные для современности. В конце XX — начале XXI века человечество столкнулось с проблемами реконструкции кризисных социумов, реализации принципов индивидуальной свободы и необходимости. Поэтому представляется крайне важным исторический опыт взаимоотношений личности и государства в условиях Российской империи и ее наследника Советского Союза. Важно понять, каким образом здесь появляются творческие пассионар-

ные личности и какова их функциональная роль в крупном государстве имперского типа.

Государственный деятель Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) и историк и философ Лев Платонович Карсавин (1882–1952) — современники, чьи биографии и достижения, несмотря на различный род деятельности и общественный статус, имеют немало общего. Уже в годы учебы оба интересующие нас деятеля проявили себя как целеустремленные и самостоятельно мыслящие личности, были примерными учениками и снискали авторитет своих ровесников. Они выпускники одного и того же Санкт-Петербургского университета. П. Столыпин окончил физико-химический, Л. Карсавин — исторический факультет. Судьба связала их жизни с Западной Европой и Литвой. П. Столыпин, окончив университет, быстро поднимался по карьерной лестнице, преодолев пять служебных ступеней и став камер-юнкером,

а затем и предводителем Ковенского дворянства. Л. Карсавин после университета был направлен в архивохранилища Франции и Италии, где собирал материалы по истории религиозных общин позднего Средневековья, вскоре защитил кандидатскую и докторскую диссертации по этой тематике и преподавал в столичных вузах.

Согласно классическому определению Л. Н. Гумилева, пассионарная личность наполнена творческой энергией и эту энергию использует, меняя окружающую действительность. «Пассионарность — это... непреодолимое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной). Цель эта представляется пассионарной особи ценнее даже собственной жизни» [1, с. 545]. Обе интересующие нас личности прямо соответствуют этому определению: уже в ранний период своего творчества они проявили себя как реформаторы, как самостоятельно мыслящие и действующие люди. Поприщем реформаторской деятельности П. Столыпина стало сельское хозяйство. Двенадцать лет, проведенных в Калнаберже, были одновременно и наиболее плодотворным, и самым спокойным периодом в его биографии. Также стоит вспомнить 12 лет пребывания Л. Карсавина в межвоенном Каунасе и его научно-педагогическую деятельность в Литовском университете — по словам самого Л. Карсавина, эти годы были наиболее стабильными, тогда были написаны такие значительные труды, как «История европейской культуры», «О личности» и др.

П. Столыпин в своем имении в Калнаберже внедрил новые формы хозяйствования, здесь впервые зародился проект реформирования крестьянского хозяйства. Суть аграрной реформы, вошедшей в учебники истории как «стольпинская», — расселение крестьян в хутора, ликвидация трехполья и чересполосицы. Кроме того, разложившаяся крестьянская община перестала быть собственником земли — им становился крестьянин. По существу это была капиталистическая реформа, упразднявшая феодальные пережитки и превращавшая крестьян в полноправных граждан. При чем реформа предусматривала предоставление большей самостоятельности крестьянам, поощрялись крестьянские кооперативы. Как отмечают исследователи, наиболее успешной деятельностью П. Столыпина была именно во время первой русской революции 1905—1907 годов. Периоды нестабильности, системного кризиса — идеальные условия для деятельности пассионарных личностей (в условиях стабильности, увы, верх берут «выдающиеся посредственности»). Энергия и позитивные реформы П. Столыпина, однако, имперскими властями были использованы в их собственных целях — для подавления революции и укрепления своего положения.

Поэтому в советской историографии П. Столыпин однозначно трактовался как реакционер, подавивший революцию, и его прогрессивные реформы также истолковывались как реакционные. В действительности же он был весьма радикальным и оригинальным реформатором. После того как революционные бури утихли и наступил период временной стабильности, П. Столыпин стал не востребова́н, попал в изоляцию, и режим стремился от него избавиться. В этом смысле судьба П. Столыпина напоминает судьбу других российских реформаторов более ранних эпох — Адашева, Сперанского.

Л. Карсавин заявил о себе как реформатор исторической науки. Символично и совсем не случайно, что его новаторские диссертационные работы, посвященные позднесредневековым религиозным движениям Италии и Франции, готовились одновременно с пиком реформаторской деятельности П. Столыпина, т. е. во второй половине первого десятилетия XX века. В этих работах Л. Карсавина, так же как в его более поздних теоретических трудах, идет речь об индивидуальном освобождении. Эти индивиды, их жизни были объединены позитивистской исторической наукой второй половины XIX века в поступательные процессы, причинно-следственные цепочки как их составная и незначительная часть. Л. Карсавин свой объект исследования — религиозность данного социума — расценивает как некую статичную картину ушедшей эпохи, а не как процесс. Поэтому он отказывается от опоры на закон причинности как методологической основы своей научной работы. Этому принципу он противопоставляет закон общего, т. е. видит свою задачу в поиске существенных черт различных явлений культурной жизни.

Для Л. Карсавина самое главное — интуитивное постижение исторических явлений. Любой синтез индивидуален. Разделение процесса исторического исследования, как и самой истории, на какие-либо составные части считалось делом рискованным, ибо чаще всего — необоснованным и искусственным. Поэтому коллективные синтетические труды Л. Карсавин считал малоценными — в них принципиально невозможно «вживание» в исследуемый объект. Работа историка не может состоять из двух последовательных этапов — подготовительно-го (анализа) и основного (синтеза), поскольку анализ и синтез в принципе неотделимы друг от друга. Сам исторический процесс должен рассматриваться в его единстве и неправомерно выделение в нем отдельных эпох в соответствии с постулатами «генетической истории». Статическая и динамическая истории не противоречат одна другой, но взаимно дополняются друг другом. Неприемлема парадигма «генетической истории», опирающаяся на теорию прогресса и обесценива-

ющая каждый конкретный момент истории во имя единственного момента — апогея. Согласно Л. Карсавину, все моменты истории одинаково ценны как части ее единого субъекта. Вопрос же об апогее истории, его установлении или отрицании Л. Карсавин считал делом субъективным, зависящим от конкретного исследователя.

Результатом реформы Л. Карсавина стало появление принципиально нового типа исторического исследования, ориентированного на раскрытие индивидуального духовного мира, исторической личности как самоценного культурного феномена вне или, во всяком случае, в небольшой зависимости от общеисторических процессов, причин, следствий, массовых явлений. Позже, будучи в эмиграции, Л. Карсавин становится теоретиком евразийского движения; реформированное советское общество предполагало прежде всего свободных граждан Евразии, объединенных православием.

Проекты реформ П. Столыпина и Л. Карсавина по сути аналогичны. Их итогом выделось появление индивидуальной личности, освобожденной от «коллективного хозяйства». В случае П. Столыпина это был освобождаемый крестьянин, в случае Л. Карсавина — феномен индивидуальности, относительно свободной от массовых явлений и процессов и требующей в каждом конкретном случае от исследователя прошлого особого подхода, что дало начало антропологическому направлению в исторической науке.

Примечательно, что оба реформатора многими критиковались и то ли по причине замкнутого характера или же своей «монологичности» часто не умели или не желали отвечать своим критикам. Л. Карсавин обвинялся парижскими богословами — отцом Сергием Булгаковым и другими — в ереси, а когда в 1927 году философ ангажировался в Литовский университет, культовая фигура Литвы тех лет прелат Александрас Якштас-Дамбраускас также критиковал его по поводу религиозных установок. Но по сути это была та же критика с позиций признанного авторитета, наставляющего «на путь истинный».

Полемика прелата А. Якштаса с профессором В. Шилкарским и позднее с самим Л. Карсавиным [2, с. 97–108, 113–115] удивительно напоминает полемику более ранних лет между Львом Толстым и П. Столыпиным [3, с. 168–171, 174–178]. Здесь также общепризнанный авторитет Л. Толстой с морализирующих позиций критикует реформаторскую инициативу П. Столыпина — обеспечение крестьян наделами земли, обвиняя последнего в греховности и в избрании неверного пути. Даже поверхностное сравнение этих двух полемик позволяет утверждать, что в обоих случаях шла дискуссия по вопросу о личной свободе и о способе ее достижения. Прелат А. Якштас всерьез

опасался, что Л. Карсавин станет в своих лекциях критиковать католические догматы, сковывающие индивидуальную жизнь. Своеобразным ответом Л. Карсавина стала его работа 1929 года «О личности», где была представлена концепция свободно развивающейся «симфонической» личности. А ответом П. Столыпина Л. Толстому стал отчасти реализованный реформаторский проект, предоставивший освобожденным крестьянам экономическую основу и давший позитивный эффект (увы, кратковременный).

Подобные реформы, их инициирование и само возникновение пассионарных (идеальных) фигур, направляющих свою энергию на поиски личной свободы, было возможно лишь в эпоху перемен, и по понятным причинам такие проекты, будь то сельское хозяйство, историческая наука или иная область, не могли быть полностью реализованы. С наступлением в империи периода стабильности, особенно в реставрированной империи (Советском Союзе), реформы как Столыпина, так и его младшего современника Л. Карсавина стали не нужны. Коллективизация снова вернула крестьян во времена крепостничества, а провозглашенные принципы марксистского историзма, предполагавшие изучение роли народных масс в истории, означавшие абсолютизацию и примитивизацию исторического позитивизма XIX века, не оставили места для антропологических исследований. Если пребывание в имперской провинции (Литве) для обоих реформаторов было наиболее плодотворным в творческом отношении периодом, то соприкосновение с метрополией обернулось для них трагическими последствиями. П. Столыпин с его прогрессивными проектами становится не нужным ни власти (монархии), ни оппозиции, попадает в изоляцию и в конце концов гибнет в результате покушения. Л. Карсавин же в 1922 году приказом Ленина был выслан за пределы Советской России, а много позже, очевидно надеясь на некую утопичную евразийскую перспективу (это типично для пассионарной личности) и приняв роковое для себя решение остаться на советской территории, в 1949 году был арестован и сослан в Абезь.

Итак, сравнительный анализ двух биографий позволяет считать Литву для П. Столыпина и Л. Карсавина своеобразным «оазисом свободы», тем идеальным *genius loci*, где их пассионарность могла свободно реализоваться. Трагедия обоих реформаторов состояла в том, что они слишком наивно верили в возможность скорого реформирования империи и появления свободных граждан, и эти попытки «вливать новое вино в старые меха» в обоих случаях были заранее обречены на трагическую неудачу. История свидетельствует о способности деспотических государственных образований пережить революционные

потрясения и возродиться в несколько обновленной форме, но, увы, в прежнем качестве. «Дайте России 20 лет покоя, и вы не узнаете современной России!» — говорил П. Столыпин, но именно в условиях «стабильности и спокойствия» всякая империя начинает беспощадную войну против собственного населения, и прежде всего против пассионарных носителей идеалов индивидуальной свободы.

Список литературы

1. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М. ; СПб., 2003.
2. Ласинкас П. Лев Карсавин. Универсальная личность в контекстах европейской культуры. М., 2011.
3. Письмо Л. Толстого П. Столыпину от 26 июля 1907 г. Письмо П. Столыпина Л. Толстому от 23 октября 1907 г. Письмо Л. Толстого П. Столыпину от 28 января 1908 г. // Столыпин П. А. Переписка. М., 2007.